

Научная статья

УДК 159.9

Художественная литература как инструмент формирования жизнестойкой позиции и символизации переживаний категории смерти

Валентина Игоревна Волохова¹, Елена Сергеевна Гурина¹

*¹Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия*

Аннотация. В статье представлена попытка рассмотреть чтение художественной литературы, содержащей различные отсылки к теме жизни и смерти, как мощный психотерапевтический инструмент для людей, находящихся в кризисном состоянии, переживающих антивитальные чувства и сталкивающихся с грузом экзистенциальных вопросов. В основной части показано, что художественная литература, начиная с самых ранних сказок и заканчивая сложными фундаментальными произведениями, дает возможность читателю познавать такую сложную категорию как смерть, а также в безопасном пространстве соприкоснуться с огромной гаммой чувств и переживаний, необходимых для конструктивного совладания со страхом смерти, горем, одиночеством, отсутствием смыслов. Рассмотрено понятие жизнестойкости, которая формируется в ходе естественного столкновения с кризисными ситуациями. Авторами анализируется возможность развития литературной компетентности (в частности, чтения художественной литературы) в процессе повышения жизнестойкости. Описанная в литературе парадигма сопротивления человека невзгодам, автобиографические свидетельства преодоления несчастий, переживание героями глубокой жизненной утраты или травмы подразумевает ассимиляцию знания в жизненный опыт личности. Авторы указывают о необходимости проведения качественного отбора различных литературных произведений по различным аспектам, в первую очередь указывая на необходимость соблюдения возрастного ограничения. Авторы приходят к выводу, что в отличие от стратегии вмешательства, развитие литературной компетентности естественным образом направлено на укрепление жизнестойкой позиции детей, подростков и взрослых. Статья иллюстрирована фрагментами художественных произведений, позволяющих увидеть внутренние переживания героев, их реакции и способы проживания экзистенциальных вопросов. Авторы рассматривают чтение подобных произведений как один из вариантов развития ценностно-смысловой и эмоционально-волевой сфер, самопознания и рефлексии, что является важнейшим условием формирования жизнестойкой позиции.

Ключевые слова: художественная литература, чтение, жизнестойкость, самоубийство, суицид, смерть, представление о смерти, смысл жизни, отсутствие смыслов.

Для цитирования. Волохова В. И., Гурина Е. С. Художественная литература как инструмент формирования жизнестойкой позиции и символизации переживаний категории смерти // Развитие человека в современном мире. 2023. № 1. С. 21–30.

Original article

Art literature as a tool for forming a living position and symbolizing death category experiences

Valentina I. Volokhova¹, Elena S. Gurina¹

¹*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia*

Abstract. Purpose: an attempt is made to consider reading fiction containing various references to the theme of life and death as a powerful psychotherapeutic tool for people in crisis, experiencing anti-vital feelings and faced with a load of existential questions. *The main part shows* that fiction, starting from the earliest fairy tales and ending with complex fundamental works, enables the reader to learn such a complex category as death, as well as in a safe space to come into contact with a huge range of feelings and experiences necessary for constructive coping with the fear of death, grief, loneliness, lack of meaning. The concept of resilience, which is formed in the course of a natural collision with crisis situations, is considered. The authors analyze the possibility of developing literary competence (in particular, reading fiction) in the process of increasing resilience. The paradigm of human resistance to adversity described in the literature, autobiographical evidence of overcoming misfortunes, the experience of deep life loss or trauma by the characters implies the assimilation of knowledge into the life experience of the individual. The authors point out the need for a qualitative selection of various literary works on various aspects, first of all, pointing out the need to comply with the age limit. The authors conclude that, in contrast to the intervention strategy, the development of literary competence is naturally aimed at strengthening the resilient position of children, adolescents and adults. The article is illustrated with fragments of works of art that allow you to see the inner experiences of the characters, their reactions and ways of living through existential issues. The authors consider reading such works as one of the options for the development of value-semantic and emotional-volitional spheres, self-knowledge and reflection, which is the most important condition for the formation of a viable position.

Keywords: fiction, reading, resilience, self-murder, suicide, death, the idea of death, the meaning of life, meaninglessness.

For citation. Volokhova V. I., Gurina E. S. Art literature as a tool for forming a living position and symbolizing death category experiences. *Human Development in the Modern World*, 2023, no. 1, pp. 21–30. (In Russ.)

Введение. Среди специалистов встречаются довольно амбивалентные взгляды на просвещение детей на тему смерти, заключающиеся в позиции полной информационной изоляции от этой темы до преждевременного «овзросления» ребенка [15]. Даже разговор со специалистами на тему смерти вызывает молчание и неловкость, а стратегия избегания разговоров о смерти не работает. Но если можно говорить о жизни, то почему нельзя говорить о смерти?

Знакомство ребенка с категорией смерти происходит постепенно, по мере развития психических функций, и, можно сказать, не заканчивается никогда: каждый возрастной этап привносит новые смысловые нагрузки и переживания себя в контексте «смертности». Категория «смерть» является абстрактным понятием – это нечто, что нельзя пощупать и потрогать, так же как невозможно никогда не соприкоснуться с ней. Смерть везде и нигде, смерть является совокупностью знаний, фан-

тазий и чувств [8; 13]. В современной психологии в качестве одной из личностных характеристик, помогающих осмысливать вопросы жизни и смерти, а также преодолевать кризисные ситуации, рассматривается жизнестойкость [7; 9]. С. В. Книжникова обозначала жизнестойкость как интегральную личностную характеристику, которая связана со смысловой регуляцией и волевыми качествами, адекватной самооценкой, высоким уровнем социальной компетентности [7]. Жизнестойкость не является врожденным качеством, а формируется в ходе естественного столкновения с кризисными ситуациями, где особое значение имеет адекватная реакция значимых людей.

Проблема исследования обусловлена тем, что современная социальная ситуация, в которой подавляющее число родителей стараются как можно дольше изолировать своих детей от реальной жизни, связанных с естественными процессами (смертью, утратами, потерей смысла и прочее), приводит к тому, что дети и подростки практически лишены возможности сталкиваться с теми точками инициации, которые обычно помогают психике проживать и интегрировать такой опыт. Традиционные для предыдущих поколений модели поведения и ритуалы исчезли из повседневной жизни: нет больше цветов и гробов у подъездов, в крупных городах исчезает традиция поминальных обедов. В то же время социальные сети и телевизионные передачи переполнены яркими картинками об убийствах, авариях, жесткости. Это обуславливает поиск среды, в которой могут «размещаться» вопросы о жизни и смерти, среды, где кто-то «поговорит» на запретные темы; среды, в которой можно говорить о формировании жизнестойкой позиции личности.

Целью статьи является рассмотрение чтения литературы как такой среды, в которой литература обретает действие психотерапевтического инструмента, позволяющего символизировать через идентификацию с героями произведений антивитаальные чувства и экзистенциальные вопросы.

Основная часть. Символическая встреча со смертью начинается с самых ранних сказок, отражающих в доступной для ребенка форме сложную дихотомию «жизнь-смерть». Психический аппарат ребенка в силу незрелости еще не способен уместить в себя необратимость смерти, и в сказках эта особенность учитывается: герои воскресают из мертвых, их спасает живая вода, они находят способ вернуться из загробного мира, пробуждаются от поцелуя любви и пр. Для маленьких детей экзистенциальный страх «исчезнуть навсегда» является пока непереносимым, поэтому сказки позволяют маленькому ребенку сталкиваться со смертью, но не с конечностью существования. Можно сказать, что инфантильное представление о смерти как о некотором обратимом явлении («умереть не до конца») будет так или иначе характерно для детей вплоть до подросткового возраста.

По мере взросления ребенка усложняются и сказки, поэтому на место сказок с «воскрешением из мертвых» приходят сказки, отражающие конечность жизни и необратимость смерти. Сказки, в которых ребенок впервые встречается с завершением истории героев, играют важную роль в усложнении детской психики. Стоит обратить внимание, что сказка является достаточно бережной формой символизации, поскольку в ней нет откровенных сцен насилия, с которыми ребенок может столкнуться, например, переключая телевизионные передачи. В сказке, в легенде, в детском мультфильме, адаптированном для возраста ребенка, исключены расчлененные части тела, фрагменты с кровопотерей, мучительные сцены умирания и убийства. Современные родители часто хотят избавиться от отсылок к столь

мрачной и пугающей теме в детских сказках и мультфильмах, поскольку считают, что это может травмировать ребенка. Однако именно подобные отсылки и создают в психике ребенка представления и размышления о смерти, порождающие и способы совладания со страхом. Ребенок, столкнувшийся с символическим вакуумом в теме смерти и лишенный слов поддержки на этапе формирования представлений о смерти, не имеет возможности для выстраивания психологических защит, направленных на регуляцию страха смерти.

В отличие от телевизионной демонстрации (в фильмах, сериалах, даже рекламе) убийств, насилия, суицидальных попыток и прочих жизненных реалий, чтение художественной литературы подразумевает не демонстрацию готового визуального образа, а формирование собственного образа, опирающегося на развитие творческих способностей и когнитивных возможностей конкретного человека. В этом смысле художественное чтение не может травмировать, поскольку оно ориентировано на индивидуальную готовность психики воспринимать тот или иной материал.

Еще одной особенностью чтения художественной литературы является то, что читатель, сталкиваясь с вопросами смерти у героев произведения, осмысляет эту категорию в контексте ее «адекватности». При встрече с персонажем литературного произведения, испытывающим сложные амбивалентные переживания, появляется возможность принять собственную «нормальность» в размышлениях о категории «жизнь-смерть» («Кроме меня еще кто-то сталкивается с такими мыслями»). Идентифицируясь с героем и проживая совместную с ним историю, читатель получает возможность ощутить конечность этого состояния, возможность расширения горизонта вариантов поиска смысла, что особенно актуально для подросткового возраста или человека, столкнувшегося с возрастным или внутриличностным кризисом. Художественная литература, содержащая истории преодоления трудных жизненных ситуаций и иллюстрирующая примеры проживания тягостных состояний и экзистенциальных вопросов, по праву может считаться терапевтической. Художественная литература не может игнорировать вопросы смерти, поскольку способность человека размышлять над экзистенциальными вопросами отражает духовную зрелость и направлена на всестороннее познание внутреннего мира человека.

В настоящий момент особую актуальность приобретает такой конструкт, как жизнестойкость. Несмотря на то, что в психологии не существует общепризнанного понятия жизнестойкости, ее можно определить как важнейший внутренний ресурс, который придает жизни ценность и смысл в любых ситуациях [9]. Жизнестойкость как интегративная характеристика личности может рассматриваться как ответственная за успех в преодолении личностью различных жизненных трудностей [9]. По мнению С. Мадди, в основе жизнестойкости лежит умение признать реальность кризисной ситуации и мужество, связанное с желанием перевернуть эту ситуацию в некое преимущество: «жизнестойкое совладание принимает форму компенсаторного саморазвития, по сути гиперкомпенсации» [9, с. 179]. Приведем примеры из художественных произведений, которые с разного подхода позволяют задуматься о смысле жизни, о смерти, о поиске себя.

В художественной литературе находят свое отражение все феномены человеческой жизни, стоящие перед человеком задачи и выборы, способы проживания тягостных чувств и пути решения жизненных ситуаций. Специальным образом организованное чтение превращается в библиотерапию, способную оказывать благотворное воздействие в кризисных ситуациях [17]. Анализ художественных

произведений требует участия взрослых, способных обсуждать прочитанное, действовать рефлексии и формировать глубокое понимание мотивов и поступков героев. Следует отметить, что моральное сознание современной молодежи претерпевает ряд существенных изменений, вплоть до инверсий определенных ценностей и принципов [12]. Это ставит перед взрослыми трудную, но решаемую задачу – предложить молодым людям такие художественные произведения, в которых бы подчеркивалась ценность и уникальность каждой жизни, демонстрировалась способность людей справляться с тяжелыми переживаниями и суицидальными мыслями, а также те произведения, где их собственные чувства, тревоги и страхи находили некое отражение.

Произведение русского классика Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (12+) включает эпизод, в котором отражена любовь к жизни даже в самых страшных условиях: «Он смотрел на каторжных товарищей своих и удивлялся: как тоже все они любили жизнь, как они дорожили ею! Именно ему показалось, что в остроге ее еще более любят и ценят, и более дорожат ею, чем на свободе. Каких страшных мук и истязаний не перенесли иные из них, например, бродяги! Неужели уж столько может для них значить один какой-нибудь луч солнца, дремучий лес, где-нибудь в неведомой глуши холодный ключ, отмеченный еще с третьего года и о свидании, с которым бродяга мечтает, как о свидании с любовницей, видит его во сне, зеленую травку кругом его, поющую птичку в кусте? Всматриваясь дальше, он видел примеры, еще более необъяснимые» [6, с. 525]. Этот фрагмент важен для нашего анализа, так как показывает возможность справляться с трудными жизненными ситуациями и видеть смысл жизни в самых простых, постоянно окружающих нас вещах. Чтение способствует формированию смысловых и ценностных конструкций: читатель имеет возможность войти в новую для себя систему ценностей, задаваемую другими (героями произведения). Также фрагмент иллюстрирует, как важнейший опыт «выдерживать» сильные эмоции/чувства/неконтролируемые ситуации позволяет выбирать «жить».

История девочки, у которой умерла бабушка, описана в книге Ф. Бакмана «Бабушка велела кланяться и передать, что просит прощения» (16+). В этом фрагменте интерес представляют чувства девочки, которые нуждаются в озвучивании правды со стороны взрослого: «Эльса стучала кулаками в гроб, но бабушка не реагировала. Эльса стучала все сильнее, словно хотела вытрясти из гроба всю эту несурасицу и непоправимость. Наконец она соскользнула со стула и, упав на колени, стала шептать: «Почему они все время врут и говорят, что ты “ушла от нас”? Что мы тебя “потеряли”? И никто не говорит “она умерла”» [2, с. 50]. Вокруг этой темы ведется множество споров, однако несомненным остается факт, что чувство глубокого горя, переживаемого ребенком, должно осмысляться через систему адекватной реакции: «Я горюю, потому что этот человек умер». Психологи, занимающиеся работой с детьми, пережившими утрату, единодушны во мнении, что дети очень нуждаются в правдивой и честной реакции взрослых.

Одна из самых дискуссионных и табуированных тем в контексте смерти – самоубийство – также широко представлена в литературе. Такие сложные и фундаментальные классические произведения, как «Анна Каренина» Л. Н. Толстого, «Гроза» А. Н. Островского, «Ромео и Джульетта» У. Шекспира, «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина, «Старуха Изергиль» М. Горького и многие другие, изучаемые школьниками старших классов, повествуют об историях с добровольным уходом из жизни. Герои

этих произведений прекрасны и трогательны, часто вызывают симпатию и обладают положительной характеристикой, что заставляет воспринимать их поступок как некое проявление свободы, решительный и смелый вызов. Подобная трактовка, по мнению многих психологов, может вызвать идентификационный эффект – эффект Вертера [16; 18] (публикация «Страданий юного Вертера» И. В. Гете сопровождалась волной последующих подражательных самоубийств). На сегодняшний день существует цензура в освещении суицидов, которая распространяется не только на средства массовой информации, но и на литературные произведения, художественные фильмы. Безусловно, эта мера вынуждена и оправдана (мы понимаем, что существуют книги, носящие пропагандирующий суицид характер), однако не наблюдаем ли мы сейчас перекося в другую крайность: запрещать любые отсылки к этому феномену? Так, например, соотнося любимое многими поколениями произведение «Маленький Принц» Антуана де Сент-Экзюпери с критериями Роспотребнадзора, мы должны были бы квалифицировать это произведение как пропагандирующее суицид. Но разве о пропаганде суицида повествует эта история? Смысл, на наш взгляд, должен быть не в том, чтобы избавить произведения от пугающих реалий и сделать вид, что этого не существует, а в том, чтобы помочь критически осмыслить сюжет и поведение персонажей. Именно поэтому взрослые должны помочь деромантизировать смерть и самоубийство, а также сконструировать некие ориентиры, которые помогли бы читающим детям правильнее воспринимать сложные и неочевидные вещи. Перед тем как предлагать ребенку какую-то книгу, ее следует прочесть самому взрослому, удостовериться, что описанные эпизоды в этом произведении не содержат сцен, для осмысления которых психический аппарат ребенка еще не готов. Для этого также существует и некий ориентир – указание возрастного ограничения. Такой отбор в действительности должен происходить и с телевизионными просмотрами, мультфильмами и фильмами, и исключать потоковый вариант «смотреть все подряд».

Нужно отметить, что суицидальное поведение человека – это огромный континуум переживаний и действий, в котором помимо крайней точки (суицида) есть множество форм, которые можно отнести к нормальным. Трудно спорить с тем, что практически каждый человек в какой-то особенно тяжелый момент испытывал разочарование в жизни и начинал размышлять о смерти. Но испытать разочарование в жизни и даже столкнуться с желанием умереть – не значит решиться на самоубийство. Мысль, описанная в книге Вильнуази де С. «Как я решила умереть от счастья» (16+), порой бывает пугающей и невыносимой. «Я, как и он, хочу умереть. Эта мысль стала для меня озарением, прозрением и огромным облегчением. Я. Хочу. Умереть. По-настоящему. И не через пять-десять лет, а сейчас. Я поворачиваю к дому, не приходя в себя от шока. В голове бурлит. Да, я хочу умереть, но надо бы сперва обсудить это с кем-нибудь» [5, с. 8]. Но столкновение с тем, что такие мысли бывают и у других людей, что с этим переживанием можно справиться, а еще лучше разделить его с кем-то, позволяет в систему жизненных ориентаций добавить страдание как нечто преодолимое. Для множества людей, находящихся в кризисном состоянии, художественные произведения «выступают медиатором выражения их собственных чувств, страхов, опасений и идентификации, соотношения собственных свойств, смысла «Я» с другими [1, с. 52].

Еще одним произведением Ф. Бакмана, поднимающего экзистенциальные вопросы, является психологическая проза «Вторая жизнь Уве» (16+). «Странная шту-

ка – смерть. Пускай многие всю жизнь проживают так, будто никакой смерти нет вовсе, добрую половину наших дней именно смерть служит одной из главных мотиваций нашего существования. Чем старше становимся мы, тем острее осязаем ее и тем упорнее, тем настойчивей и яростней цепляемся за жизнь. Одни просто не могут без того, чтоб не чувствовать вседневного присутствия смерти, иначе не ценили бы ее противоположность. Другие озабочены ею настолько, что спешат занять очередь под дверь кабинета задолго до того, как она возвестит о своем приходе. Мы страшимся ее, конечно, однако еще больше страшимся, что она заберет не нас, а кого-то другого. Ведь самое жуткое – это когда смерть забывает про нас, обрекая на одиночество» [3, с. 242]. Автор описывает чувства взрослого мужчины, который, переживая одиночество, сталкивается с вопросом продолжения жизни. Кризис, которого многие страшатся, но о котором не принято говорить вслух. И, конечно, книга раскрывает возможность выхода из сложного периода – смыслом жизни могут стать отношения с другими людьми, даже совершенно случайно, которые не только «спасают» от одиночества, но и наделяют жизнь яркими красками. Художественная литература позволяет читателю не просто столкнуться с такими феноменами, как бессмысленность, пустота, одиночество, но и отрефлексировать эти понятия через собственную призму и призму других людей (героев произведений).

В романе-антиутопии Дж. Оруэлла «1984» (16+) также встречаются идеи о самоубийстве. Являются ли эти размышления главного героя Уинстона Смита «соблазнительными»? Романтизирована ли идея о самоубийстве? «Они приходят ночью, всегда ночью. Самое лучшее покончить с собой до того, как тебя схватят. Безусловно, многие поступают именно так. Многие исчезнувшие на самом деле покончили самоубийством. Но требуется отчаянная смелость, чтобы убить себя в мире, где невозможно достать огнестрельное оружие или быстрый надежный яд» [10, с. 58]. В романе также озвучиваются мысли, о которых непринято говорить вслух. Но эти мысли вряд ли являются соблазнительными, скорее сопереживание, которое может быть обращено к герою, позволяет «прожить» эти чувства, а самое важное – убедиться в том, что они проходят.

В контексте профилактики суицидального поведения феномен жизнестойкости имеет особое значение, и художественная литература позволяет иллюстрировать примеры того, как другие справляются с кризисными ситуациями.

В противовес обсуждаемому можно услышать мнение о том, что современные дети, подростки, юноши практически не читают, чтение становится не модным. Однако познакомив подростка с тем произведением, которое будет решать его возрастные задачи, наставник имеет шансы увлечь его в культуру чтения. До более «сложных» произведений необходимо дозреть, поэтому необходимо иметь возможность знакомиться с условно современными произведениями, дающими возможность идентификации современных юношей и подростков. Примером может являться книга Эми Хармон «Меня лица» (16+). Роман затрагивает актуальные возрастные задачи, раскрывая тему самооценки, влюбленности, и, конечно, жизни и смерти. Ценность жизни – очень важная идея, которая обретается в проживании истории литературных героев [11].

Интересным трудом является книга Э. Е. Эгер «Дар. 12 ключей к внутреннему освобождению и обретению себя» (16+). Автор описывает свой путь «выжившего» – так называют узников концлагерей, переживших Холокост и преследование евреев. Однако этот труд является не просто историческим описанием, но и вдох-

новляющей к жизни работой, в которой поднимается вопрос жизни и смерти, смыслов, желаний «жить». «Быть или не быть – истинно человеческий вопрос. Надеюсь, каждый из нас выберет быть. Мы ведь в любом случае когда-нибудь умрем и мертвыми уже останемся навсегда». Так почему бы не проявить любопытство? Почему бы не поинтересоваться, что предложит вам жизнь? Пытливость – крайне необходимо качество. Пытливость заставляет рисковать. Если в нас заложено любопытство – мы живем настоящим» [14].

Так или иначе каждый ребенок сталкивается с тем, что кто-то из близкого окружения умирает или смертельно болен. Действительно, очень сложно подобрать слова, которые смогут помочь ребенку не только пережить, но и объяснить состояние родственника. Рекомендацией может служить книга «Три новеллы» (12+) Ф. Бакмана, в частности глава «Каждое утро путь домой становится все длиннее» [4]. Новелла символизирует уход человека из жизни (в этом произведении это дедушка) и позволяет подростку через механизм идентификации прожить сложный период. Потрясающий символический ряд в этой главе не оставит равнодушным ни ребенка, ни взрослого, ведь не всегда смерть близкого внезапна. Старение, уход из социальной жизни и впоследствии забвение – это тоже то, что может вызывать вопросы для осмысления категории жизни и смерти.

Выводы. Экзистенциальные вопросы, связанные с категорией смерти, остаются актуальными для человека в любом возрасте и требуют все новых способов их осмысления. В контексте все возрастающих суицидальных тенденций все больший интерес вызывает феномен жизнестойкости. Современные условия жизни, характеризующиеся неадекватно быстрыми темпами, возрастающим требованием успешности, ослаблением глубоких связей между людьми, по праву можно назвать предрасполагающими к развитию стресса. Но в случае, когда на эти условия накладываются возрастные кризисы, опыт утраты, эмоционально тяжелые переживания, ситуация приобретает экстремальный характер (часто суицидальный). В этом отношении жизнестойкость, формирующаяся в процессе жизни, приобретает огромное значение в качестве личностной характеристики, ответственной за успех в преодолении стрессов, кризисов, а также при осмыслении вопросов, связанных со смертью. Чтение художественной литературы, содержащей различные отсылки к теме жизни и смерти является мощным психотерапевтическим инструментом для людей, находящихся в кризисном состоянии, переживающих антивитальные чувства и сталкивающихся с грузом экзистенциальных вопросов.

Список источников

1. Анохина С. А. Переоценка ценностей суицидентов средствами библиотерапии: возможность профилактики суицидов // Тюменский Медицинский журнал. 2013. № 3. С. 51–52.
2. Бакман Ф. Бабушка велела кланяться и передать, что просит прощения. М.: Синдбад, 2018. 410 с.
3. Бакман Ф. Вторая жизнь Уве. М.: Синдбад, 2016. 384 с.
4. Бакман Ф. Три новеллы. М.: Синдбад, 2021. 224 с.
5. Вильнуази де С. Как я решила умереть от счастья. М.: АСТ, 2019. 120 с.
6. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М.: Художественная литература, 1970. 528 с.
7. Книжникова С. В. Структурно-функциональное описание жизнестойкости в аспекте суицидальной превенции // Феноменология и профилактика девиантного

поведения: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2010. С. 67–70.

8. Кошенова М. И., Волохова В. И. Суицидальное поведение: проблема адекватности исследования и понимания феномена // Смальта. 2020. № 3. С. 25–32.

9. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Личностный потенциал: структура и диагностика. М.: Смысл, 2011. 680 с.

10. Оруэлл Дж. 1984. М.: Эксмо, 2021. 416 с.

11. Хармон Э. Меняя лица. М.: Clever, 2018. 384 с.

12. Хвостов А. А. Динамика морального сознания студенческой молодежи (2000–2020) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022. Т. 7, № 2 (26). С. 6–34.

13. Черкасова Е. С., Кондраткова Н. В., Кошенова М. И. Психологический подход в реализации расследования суицидального поведения несовершеннолетних // Современная реальность в социально-психологическом контексте – 2021: сборник научных трудов V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2021. С. 258–267.

14. Эгер Э. Е. Дар. 12 ключей к внутреннему освобождению и обретению себя. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 256 с.

15. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 2019. 576 с.

16. Bollen K. A., Phillips D. P. Imitative suicides: A national study of the effects of television news stories // American Sociological Review. 1982. Vol. 47. P. 802–809.

17. Broadway M. D. Dealing with Death: Books to Help Young People Cope with Grief // Teacher Librarian. 2008. Vol. 35 (5). P. 44–48.

18. Niederkrotenthaler T., Herberth A., Sonneck G. The «Werther-effect»: legend or reality? // Neuropsychiatrie. 2007. Vol. 21, № 4. P. 284–290.

References

1. Anokhina S. A. Reassessment of the Values of Suicides by Means of Bibliotherapy: Possibility of Suicide Prevention. *Tyumen Medical Journal*, 2013, no. 3, pp. 51–52. (In Russian)

2. Buckman F. *Grandmother Ordered to Bow and Convey that She Asks for Forgiveness*. Moscow: Sinbad Publ., 2018, 410 p. (In Russian)

3. Backman F. *The Second Life of Uwe*. Moscow: Sinbad Publ., 2016, 384 p. (In Russian)

4. Backman F. *Three Short Stories*. Moscow: Sinbad Publ., 2021, 224 p. (In Russian)

5. Vilnoisy de S. *How I Decided to Die of Happiness*. Moscow: AST Publ., 2019, 120 p. (In Russian)

6. Dostoevsky F. M. *Crime and Punishment*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura Publ., 1970, 528 p. (In Russian)

7. Knizhnikova S. V. Structural and Functional Description of Resilience in the Aspect of Suicidal Prevention. *Phenomenology and Prevention of Deviant Behavior*: materials of the IV All-Russian scientific and practical conference. Krasnodar, 2010, pp. 67–70. (In Russian)

8. Koshenova M. I., Volokhova V. I. Suicidal Behavior: The Problem of the Adequacy of Research and Understanding of the Phenomenon. *Smalta*, 2020, no. 3, pp. 25–32. (In Russian)

9. Leontiev D. A., Rasskazova E. I. *Personal Potential: Structure and Diagnostics*. Moscow: Smysl Publ., 2011, 680 p. (In Russian)

10. Orwell J. 1984. Moscow: Eksmo Publ., 2021, 416 p. (In Russian)

11. Harmon E. *Changing Faces*. Moscow: Clever Publ., 2018, 384 p. (In Russian)

12. Khvostov A. A. Dynamics of the Moral Consciousness of Student Youth (2000–2020). *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*, 2022, vol. 7, no. 2 (26), pp. 6–34. (In Russian)

13. Cherkasova E. S., Kondratkova N. V., Koshenova M. I. Psychological Approach in the Implementation of the Investigation of Suicidal Behavior of Minors. *Modern Reality in the Socio-psychological Context – 2021*: collection of scientific papers of the V All-Russian scientific and practical conference with international participation. Novosibirsk: Publishing House of NSPU, 2021, pp. 258–267. (In Russian)

14. Eger E. E. *Gift. 12 Keys to Inner Liberation and Finding Yourself*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2021, 256 p. (In Russian)

15. Yalom I. *Existential Psychotherapy*. Moscow: Class Publ., 2019, 576 p. (In Russian)

16. Bollen K. A., Phillips D. P. Imitative Suicides: A National Study of the Effects of Television News Stories. *American Sociological Review*, 1982, vol. 47, pp. 802–809.

17. Broadway M. D. Dealing with Death: Books to Help Young People Cope with Grief. *Teacher Librarian*, 2008, vol. 35 (5), pp. 44–48.

18. Niederkrotenthaler T., Herberth A., Sonneck G. The «Werther-effect»: Legend or Reality? *Neuropsychiatrie*, 2007, vol. 21, no. 4, pp. 284–290.

Информация об авторах

В. И. Волохова – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и виктимологии, факультет психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, nargiza113@yandex.ru

Е. С. Гурина – старший преподаватель кафедры социальной психологии и виктимологии, факультет психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, elena.s.gurina@yandex.ru

Information about the authors

V. I. Volokhova – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Social Psychology and Victimology, Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, nargiza113@yandex.ru

E. S. Gurina – Senior Lecturer of the Department of Social Psychology and Victimology, Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, elena.s.gurina@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 23.12.2022; одобрена после рецензирования 14.02.2023; принята к публикации 15.02.2023.

The article was submitted 23.12.2022; approved after reviewing 14.02.2023; accepted for publication 15.02.2023.

